

Произведения победителей (лауреатов и дипломантов) Шестого межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» - Поэзия

Номинация «Поэзия»

[Углёв Вениамин Богданович](#) (персональный номер участника - 69)

[Нурдинов Альберт Рашидович](#) (115)

[Потапов Александр Николаевич](#) (65)

[Белый Константин Владимирович](#) (80)

[Бабинцева Анна Александровна](#) (119)

[Можаева Виктория Валерьевна](#) (40)

[Наталья Майорова](#) (114)

[Егоршина Лариса Павловна](#) (57)

[Канавшиков Андрей Борисович](#) (123)

[Брагин Никита Юрьевич](#) (82)

[Говердовский Юрий Фёдорович](#) (87)

Благодарность за лучшую работу иностранного участника: [Тит Горский \(свящ. Иоанн Казадоев\)](#) (61)

1 место (золото) и звание лауреата – **Углёв Вениамин Богданович**. Это литературный псевдоним известного российского прозаика, поэта и журналиста. Пишет яркие, необычные стихи, которые становятся песнями. Публиковался в Татарстане, Чечне, Краснодарском крае, как под своим именем, так и под псевдонимами.

Жизнь отдал за Россию

*Посвящается Б.
Вечная память тебе, десантник!*

Мина скрыта в земле! Мина с неба летит!
Мины всюду командуют балом!
Да, я понял давно, мины – не дефицит,
У противника всяческих – валом!

Ну а мне делать что? Нет патронов – стрелять,
Из воронки выглядывать тихо:
Дважды в место одно не должны попадать,
Буду ждать, чтоб немного утихло!

Я прикопан, но шансы ещё велики,
Я борюсь, я стараюсь, ребятки,
Не погасла надежда – в глазах огоньки,
Мы со смертью играемся в прятки.

За разрывом разрыв: гром грохочет страшной,
Подбираются мины поближе!
Вспоминаю кота, беззаботных друзей,
Наше место с гитарой на крыше,

И деревья в цвету, запах яблок и слив,
И компот из малины и вишни!
Неужели мне всё? И последний разрыв
Оставляет меня неподвижным?

Мама, слышишь, прости! Папа, просто пойми,
Не вернутся мне к отчему дому,
Да, я лягу на этой поляне костями,
Но не мог поступить по-иному!

Я – десантник, солдат, я приказ выполнял,
До последнего вздоха, патрона,
Интересы Отчизны и вас – защищал,
За тельняшку, берет и погоны.

Говорят, солдату великая честь жизнь отдать
За родную Россию...
Я прошу вас, друзья, свечу зажигать
На вечернюю литургию...

На пограничном небосводе

*Светлой памяти павших пограничников посвящаем.
Александр Данюков, Николай Филиппов, Алексей Разумов,
Сергей Конаплёв, Вадим Черкасов, Владимир Локонов
– мы помним вас!*

В ночном бою несём потери,
Окружены! Валяюсь злой,
Что будем жить – уже не верю,
Дышу неровно, с хрипотцой.

Мы шестером, их – девятнадцать,
Один идёт против троих,
Нам не позволят расслабляться,
И не оставят нас в живых!

Патронов мало, на исходе,
И связи нет – убита связь,
На пограничном небосводе
Звезда радиста родилась.

За ним погибнут остальные,
Нам жить лишь несколько минут,
Слова прощания скупые
Ребята все произнесут.

Бежать от смерти? Нет привычки,

Судьба одна, не поменять,
И на вечерней перекличке
Нас будут вечно вспоминать.

Кровать заправят на «отлично»,
На тумбе – фото разместят,
И нашу смерть меланхолично
Запишут в подвиг, сохранят...

Закончил бой рассвет туманный,
И тишину родной земли
Без страха, нервов, колебаний,
Шесть пограничников спасли...

Скиф

*Ветеран спецназа отказался от брони,
которую предоставлял работодатель,
и получил повестку в военкомат.*

Принёс из гаража рюкзак потёртый,
Бушлат, ботинки, маскхалат, комбез,
Я – ветеран спецназа – сильный, гордый,
От брони отказался наотрез.

И пусть скрипит нога и тянет спину,
И пусть жена ворчит: «Куда? Опять!»,
Мне – честному, простому гражданину
Россию снова нужно защищать.

Давно не примерял свою парадку,
Берет и все медали – у детей,
И на рыбалке сжёт я плащ-палатку,
Когда варил ушицу для гостей.

Да, скоро пятьдесят, но нету брюха,
Зарядка и разминка по утрам
Не позволяют стать мне развалюхой,
И бегать по лукавым докторам.

Кручусь на турнике я по субботам,
И грушу в гараже стабильно бью,
Всегда любил спецназ, свою работу,
И двадцать лет ходил по острию.

Да, иногда, бывает, завожусь я,
Ни к чёрту нервы, стёрлись как паркет,
И телевизор портит настроенье,

Ко лжи я потерял иммунитет.

И горы Дагестана ночью снятся,
И друг погибший шепчет поутру:
«Не отступать, терпеть, и не сдаваться,
Так подобает жить богатырю».

Я и живу за нас двоих, ребята,
В глаза смотрю любому, без стыда,
Да, жизнь моя – не плитка шоколада,
Войны и мира – смена, череда.

Я собираю свой рюкзак потёртый
И завтра по повестке ухожу,
Я – ветеран спецназа – сильный, гордый,
Стране своей я снова послужу.

Не поминайте лихом, всё срастётся,
Домой вернусь я, как всегда, живым,
И даже если смерть меня коснётся,
Я буду жить, я обещал родным.

2 место (серебро) и звание лауреата. **Нурдинов Альберт Рашидович** – родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт. Инженер-механик. Пишет стихи с 2008 года. Победитель (дипломант) нашего конкурса 2020. Победитель (лауреат, серебро) нашего конкурса 2021. Живёт в городе Екатеринбург.

Катюша

– Вашу пайку я сошлю в штрафбат!.. –
Старлей кипел. Дела, похоже, плохи!
Стояли в ряд мы – пятеро солдат –
Виновники полночной суматохи.
Ещё бурлила кровь, в висках стуча,
От дерзкой авантюры. «Втихомолку
Как вы могли – преступно бросив часть! –
Отправиться в ночную самоволку?»
Вчера под вечер, только бой затих,
С немецкой стороны бродяга-ветер
Принёс родной для каждого мотив:
Сначала раз, потом – второй, и третий...
Мы завелись! Единым был подъём:
Как усидеть, когда враг лезет в душу?!
Неважно, первым кто сказал: «Пойдём
И у фашистов отберём «Катюшу!»
Но ротный ждал. Молчать – не вариант,
И рослый Глеб подал свой голос зычный:
– Так всё ж, товарищ старший лейтенант,
Закончилось удачно, – как обычно.
– А то, что там могли всех уложить,
Не ясно вам, безмозглым солдафонам?
Как мне потом комдиву доложить:
Мол, пали за пластинку с патефоном?!
Не только их (слукавил ротный наш!)
Приволокли мы: на спине Степана
Приехал колоритный персонаж –
Худой фашист в мундире капитана.

Вот он в углу скукожившись сидит,
Глаза прикрыл, лицо бледнее мела, –
В его блиндаж непрошенный визит
Был нанесён, едва вокруг стемнело.
Бесшумно сняв охрану у дверей,
Мы внутрь ввалились в облаке тумана, –
Эх, жаль, в тот миг не видел наш старлей
Испуганного насмерть меломана!
А ротный, гнев свой выплеснув, утих:
– Пора всем спать: рассвет не за горами.
Валите прочь, бандиты, с глаз моих –
Я к вечеру решу, что делать с вами.
Но коль ещё нарушите приказ –
Свой век, клянусь, в окопах проведёте!
(Я эту фразу слышу в третий раз
За время, что воюем в разведроты.)
...Туман нас окружал со всех сторон.
Мы шли к землянке узкою тропинкой.
Я гордо нёс трофейный «Одеон»¹
С одной, но очень ценною пластинкой.

1. Одеон (Odeon – нем.) – фирма-производитель патефонов (Германия)

О милосердии

Без жалости солнце пекло над Калугой.
К полудню закончился танковый бой.
Ползла медсестра по цветущему лугу,
Двух юных танкистов тащила с собой.
Огонь опалил им и руки и лица;
Один без ноги был, другой – ранен в грудь.
Мечтала она: «Эх, воды бы напиться
И только минутку одну отдохнуть!»
Ползла, метр за метром, по белым ромашкам,
«Чуть-чуть потерпите», – просила ребят;
А сердце сжималось: «Ты спятила, Машка:
Фашиста бинтуешь и тянешь в санбат!
Но он же безногий: оставлю – погибнет.
Что делать?! Будь проклята эта война!»
Он взглядом её умолял: «Помоги мне!»
Нет, бросить мальчишку не сможет она.

– Вильгельм, что ты скажешь? – Она симпатяжка.
Два немца прижали бинокли к глазам.
– Жалеешь девчонку? – Да, Эрих: ей тяжко.

– Так будь милосерден и на небеса
Отправь всех скорей, чтоб не мучились боле.
– А может, подарим им тридцать минут?
Пускай проползут это чёртово поле –
Они же на мушке, от нас не уйдут.
– Не стоит тянуть, – возразил Эрих. – Или
Ты хочешь смотреть, как страдает она? –
И взяв пулемёт у притихшего Вилли,
Он выпустил очередь: – Всё, им хана.
– Плохой ты стрелок: только ранил девчонку!
Она вся в крови, но ползёт к ним опять.
Ей нужно помочь! Отойди-ка в сторонку –
Сейчас ты увидишь, как надо стрелять.
(Прицелился; длинная очередь снова.)
Учись, я награды имел по стрельбе!
– Недурственно, Вилли, вся тройка готова.
Господь всемогущий, прими их к себе!
– Подай мне, дружище, бутылку с водою,
Во рту пересохло. – Да, солнце печёт...

А вскоре во время жестокого боя
Снаряд миномётный накрыл их расчёт.
Вильгельм умер сразу, а раненый Эрих
Метался и бредил ещё полчаса:
Он видел свой Магдебург в сумерках серых
И слышал мальчишек своих голоса...
Когда он совсем обессилел от боли,
Весь мир заслонив, проступило сквозь тьму
Лицо санитарки, убитой на поле, –
Она сердобольно склонилась к нему.
И Эрих почувствовал всплеск эйфории:
Взгляд ласковых глаз немцу в сердце проник!
«Спаси, милосердная дева Мария!» –
Взмолился солдат, – но застыл в горле крик.

2 место (серебро) и звание лауреата. **Потапов Александр Николаевич** родился в 1954 году в селе Петровка Шацкого района Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат многих известных региональных и международных конкурсов и премий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

Подборка стихотворений «Праотцовская память»

У картины «Витязь на распутье»

*Я всегда только Русью и жил.
В.М. Васнецов*

Пустынна степь.
Камней седые глыбы –
Свидетели истлевших в пыль времён.
И надпись на плите сулит погибель,
И замер всадник, как усталый конь.
Плита под грузом времени склонилась,
В раздумье смотрит витязь на неё,
И, словно запугать заезжих силясь,
Кричит с надсадным хрипом вороньё.
Мол, это кто пожаловал к нам в гости?
Куда былинный всадник держит путь?
...В густой траве неслышно тлеют кости,
И время вспять никак не повернуть.
О, Русь моя!
Во все века глухие
Враги погибель прочили тебе.
Но витязи и воины лихие
Тебя спасли, наперекор судьбе.
Не раз ты путь свой в муках выбирала,
Как одинокий витязь на холсте,
Пахала землю и мечи ковала,

Заслоны ставя на степной версте...
Ну, вот и я, как витязь на распутье,
Склонив седую голову, стою.
А холст живой святыя чувства будит
И память праотцовскую мою.

Отцовская трость

Голод, войны, лихие невзгоды –
Всё изведать отцу довелось,
И ходил он в преклонные годы,
Опираясь на верную трость...

К нам с годами приходит усталость,
Жжёт рябины пунцовая гроздь...
Помню: мать, заболев, опиралась
Всё на ту же отцовскую трость...

Были в жизни и горе, и радость,
Но опор я не знаю иных:
Опираюсь на трость, опираюсь,
Как на память о предках своих.

* * *

В душе темно, как полночью осеннею.
Я мучусь, забывая о себе,
Когда слезами матери Есенина
Россия плачет о своей судьбе.
Слепой народ на лучшее надеется,
Но грустно тлеет мутная заря,
И кровь кистей рябиновых виднеется
В есенинской причёске октября.
Вонзаясь в небо острой колокольнею,
Старинный храм плывёт, как горький дым,
И раздаются стоны колокольные
По убиенным, павшим и живым.
Из века в век скорбят могилы братские.
Тоска крестов – всё горше и черней.
И обелиски строгие солдатские
Афганской болью старят матерей.
Но праведные муки – не напрасные.
Кровь страстотерпцев пролита не зря.

Вот потому алеют гроздья красные
В есенинской причёске октября.

* * *

Во все времена неоглядные,
Как водится, из году в год
Поэты с властями не ладили,
За то и любил их народ.

Под дулом, властями направленным,
Хотя не пришёл его срок,
Пал Пушкин, усталый, затравленный,
И Лермонтов жизнь не сберёт.

Есенина тоже осилили
Бессмертных стихов палачи,
А после и Павла Васильева
Тайком расстреляли в ночи.

Столкнувшись с бедой неминуемой,
Что была им душу и плоть,
Поэты страдали и мучились –
За то и прощал их Господь.

Поэты о счастье не грезили,
Но вечен в России их род.
Безжизненна власть без поэзии –
Поэт и без власти живёт!

3 место (бронза) и звание лауреата. **Белый Константин Владимирович** – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Минута молчания

Земля страдала и стонала
Под вражьем чёрным сапогом...
И снова вся страна вставала
На бой с безжалостным врагом.
И наши прадеды и деды
В атаку шли к плечу плечо...
Не все дожили до Победы.
Не всем смогли воздать почёт.
Не всех солдат нашли награды.
Не всех героев – ордена.
Но до сих пор даёт парады
В их честь спасённая страна.
В их честь взмечаются салюты.
В их честь слагаются стихи.
И лишь молчания минуты
Безмерны, скорбны и тихи...

Блокада

Блокада!
Стальные пальцы на горле города.
Женя умерла 28 дек в 12.00 час утра 1941 г.
Нет складов –

сгорели, скалятся зубы голода.
Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.
В осаде –
дома разрушены, очень холодно.
Лёка умер 17 марта в 5 час утра в 1942 г.
Снаряды
пронзают небо, земля расколота.
Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.
Набатом
звучат слова – дневниковый колокол.
Дядя Лёша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.
Так надо,
чтоб каждый помнил – мы были молоды.
Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.
Смерть рядом.
Мы умираем. Склоните головы...
Савичевы умерли.
Умерли все.
Осталась одна Таня.

Аджимушкайские каменоломни

Аджимушкой –
наша скорбь, наша слава и мужество!
Враг наверху.
Он считает, что сбросил нас в ад.
Только мы живы,
и нет в нас ни страха, ни ужаса.
Мы на войне.
Здесь наш фронт – и ни шагу назад!
Вышло так –
фронт под землёй, но пока ещё живы мы.
Нам тяжело,
но жалеть нас – и думать не смей!
Знаем,
что наши потомки все будут счастливыми –
Значит,
не зря в катакомбах встречаем мы смерть.
Мы погибаем
без солнца, от жажды, от холода.
Мы умираем
от газа, от ран и в бою.
Нам не стареть –
мы навеки останемся молоды.
Мы защищаем,
Отчизна, свободу твою.
Нас очень мало осталось,
и шансов нет, вроде бы.

Пусть враг сильнее,
но мы рассчитаемся с ним.
И жив покуда
из нас хоть один – знает Родина:
Не покорён
наш народ, наша Керчь, и наш Крым!

Ржев

На Вязьму, Сычёвку, Ржев
Смерть шла, набирая ход.
Мы встали на рубеже,
Не зная, что нас ждёт.
И каждый – и стар, и млад –
Вдруг стал, словно бы, мал.
Но кто-то держал автомат,
А кто-то винтовку держал.
И каждый из нас ждал
Приказа идти в бой.
И каждый из нас знал,
Что нужно держать строй,
Что нужно, чтоб каждый встал
Прижавшись к плечу плечом –
Коль станут стеной, кто мал,
То враг станет нипочём.
И огненный бил шквал,
Настал на земле ад,
Но те, кто был, вроде, мал,
Не сделали шаг назад.
Пусть кто-то казался мал
В последний земной час,
Но каждый, кто здесь пал,
Отчизну собой спас.

Звание дипломанта конкурса. **Бабинцева Анна Александровна** родилась 14 апреля в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области. Окончила факультет математики и информатики Южного федерального университета (ЮФУ). Корреспондент городской Каменск-Шахтенской газеты «Труд». Победитель многих региональных и международных литературных конкурсов и конкурса журналистского мастерства.

У стен Рейхстага

Ветеран стоял у стен рейхстага,
Трость ему давила на ладонь.
Вспоминал, как он под алым стягом
Пел «Катюшу», расчехлив гармонь.
Как победным взглядом он окинул
Логово звериное врага.
Вспоминал, как в мае по Берлину
Маршем триумфально прошагал.
Вспоминал убитого сержанта.
За́ день до Победы. Воевал.
Без царапин всю войну сражался,
А тут сразу в сердце. Наповал.
Без оглядки, устали, без страха
Отстояв святую честь погон,
Братские сердца у стен рейхстага
Запевали под его гармонь.
Имена на стены наносили.

И каких фамилий только нет!
Украина, Грузия, Россия,
Казахстан, Кавказ оставил след.
Он всю жизнь мечтал сюда вернуться,
Где закончил долгий ратный путь.
Этих стен рукой своей коснуться,
Вспомнить всех, кого нельзя вернуть...
...Он идёт ступенька за ступенькой,
Сбрасывая с сердца груз годов.
Где-то здесь, на этой самой стенке
Расписался рядовой Петров.
Искандёр, Ваню, Айрат, Иракли —
Не было у Родины границ.
Падали из глаз на камни капли,
Плыли очертанья светлых лиц...

Письмо солдата

Это стихотворение написано по мотивам реальных фронтовых треугольников – тех писем, которые наши бойцы писали своим родным. Каждое четверостишие – это чья-то настоящая история, чья-то жизнь, чья-то судьба... А все вместе они складываются в долгих четыре года...

«Любимые, далёкие, родные,
Я вас не вижу год уже второй.
Я часто вспоминаю, как мы жили,
Как ездили к бабуле в выходной.

...Вы знаете, я стал похож на батю.
Морщин прибавилось... И чуть волос седых.
Настил в землянке служит мне кроватью,
Солдаты – вместо близких и родных.

...Отец! Эх, в этот раз я согласился –
И пригубил армейские сто грамм.
А вот курить пока не научился,
Хотя табак дают исправно нам.

...Для зажигалки камушек в конверте
Тебе отправил – сможешь починить.
Коль украдут, безбожники и черти, –
Не обессудь. Не всем святыми быть.

...Ещё вложил я фото фронтовое
И три листа бумаги – дефицит.
Надеюсь, что письмишко полевое
Дождутся ваши братья и отцы.

...Здесь, на передовой, мы жизнь считаем

Лишь по секундам. Дай повоевать!
А вы в тылу поможете, мы знаем,
Без устали Победу добывать.

...Родные, ранен я осколком в ногу.
Легко. Ходить могу, но с костылём.
Подлечат – и я снова в путь-дорогу,
Клянусь, не дамся гадине живьём.

...Я умереть готов – мне только знать бы,
Что это вам позволит песни петь,
И с поднятыми гордо головами
На Родину свободную смотреть.

...У нас нет права ныть или сдаваться
Лишь, стиснув зубы, дальше жить и жить.
И за измученный войной народ сражаться,
За вас, мои родные, гада бить!

...Я в логове у зверя. Я в Берлине.
Разрушен в прах Берлин. До кирпича.
Уже не слышно выстрелов в помине.
«Ура Победе!» – воины кричат.

...Любимые, далёкие, родные...
Четыре года я отвоевал.
Пускай морщины... Волосы седые...
Но я победу, как умел, ковал.

И сколько жизней мне бы ни давали –
Готов их все за Родину отдать.
Советский пехотинец. Русский Ваня.
Ваш муж, отец ваш, сын, жених и брат...»

Звание дипломанта конкурса. **Можаева Виктория Валерьевна** – родилась в посёлке Пospelиха Алтайского края. Окончила Гродненское музыкальное училище (Белоруссия). Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Работала преподавателем в детской музыкальной школе, преподавателем литературы в школе. Автор многочисленных поэтических публикаций и нескольких сборников стихов. Лауреат литературного конкурса имени М.А. Шолохова. Член Союза писателей России. Живёт на хуторе Можаевка Тарасовского района Ростовской области.

* * *

Как будто зрели в семенах
Внутри меня враги:
Который день летаю в снах,
И отдаю долги.
Иду дорогой полевой
На солнечный венец,
А позади то шум, то вой,
То смех, то бубенец.
Моя ковыльная стезя,
Спаси и огради!
И оглянуться мне нельзя
На то, что позади.
Но не сожги меня дотла,
Венец мой золотой,
За то, что кроткой не была,

И не была святой,
За то, что там, в былом огне,
В моей былой судьбе,
Заплачет кто-то обо мне,
А кто то – о себе,
За то, что долгоденствие улик,
И краток суд людской...
Иду во сне на светлый лик.
На солнце над рекой.

* * *

*Омочю бебрынь рукавъ въ Каяле реце,
Утру князю кровавыя его раны
на жестоцем «Полечу, – рече, – зегзицею по Дунаеве,
ѣ его теле».
«Слово о полку Игореве»*

Лицо у войны мужское,
Кто меч поднимал, разя.
Лицо у войны такое –
Уже позабыть нельзя.
Ухмылка войны щербата
Кровавым разбитым ртом...
Последний бросок комбата,
Застывший на снимке том.
Горят огневые вспышки
На тёмном её лице,
Идут в тот огонь братишки
У города на Донце.
Стоят они, как стояли,
В глаза увидав войну,
На Ладоге, на Каяле,
На Тереке, на Дону...
Закрывши лицо руками,
Зегзицею со стены,
Годами летит, веками...
Такое лицо войны.

* * *

Запеклись в душе слова, как на ране,
И не сплю до петухов я до третьих...

Дай мне, Боже, выносить с поля брани
Во единый лазарет тех и этих.
Чтобы свечи в лазарете горели,
Чтобы стражники стояли, крылаты,
Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
Заклѳчѳнные в пространство палаты.
Чтобы понял тот, кто взял меч не правый,
Братской кровью свою душу чернивший,
Что под Киевом сидит семиглавый
Змей поганый, христиан полонивший.
Чтобы те вдруг сокрушились, как эти,
Чтобы плакали до дна, до одышки,
Чтобы спели им донецкие дети,
Прямо с неба, про рисунок мальчишки...
Запеклись в моей душе эти грѳзы,
И смешны они, конечно, и странны...
Дай мне, Боже, отирать эти слезы,
Дай мне, Боже, омывать эти раны...

* * *

Вы же донецкие, вы же из стали,
Видят же ангелы, как вы устали,
Как вы молитвами в небо вращали...
Видимо, сроки ещѳ не настали...
Знание кончилось, смолкли пророки,
Видно, ещѳ не исполнены сроки...
Розы донецкие, красные с кровью,
Снова примерили шалочку вдовью,
Чѳрные розы из чѳрного дыма,
Снова не около, снова не мимо...
Вы же донецкие, вы же прорветесь!
Вы же от счастья потом нареветесь...
И прибежит она с песнею деда –
Русская девочка, наша победа.

* * *

Когда-нибудь, когда придѳт конец
Кровавому оплаканному бреду,
Приеду в город мученик Донецк
И в Горловку воскресшую приеду.
Ведь где то там, когда свершится суд

Над бросившими мир в апостасию,
Поставят крест и надпись нанесут:
«Собою заслонившие Россию».
Пусть тихий свет от этого креста
Увидит каждый из российской стыни...
А не увидят – что же, и Христа
Спасённые не приняли доныне.

* * *

Запеклись в душе слова, как на ране,
И не сплю до петухов я до третьих...
Дай мне, Боже, выносить с поля брани
Во единый лазарет тех и этих.
Чтобы свечи в лазарете горели,
Чтобы стражники стояли, крылаты,
Чтоб в глаза они друг другу смотрели,
Заклѳчѳнные в пространство палаты.
Чтобы понял тот, кто взял меч не правый,
Братской кровью свою душу чернивший,
Что под Киевом сидит семиглавый
Змей поганый, христиан полонивший.
Чтобы те вдруг сокрушились, как эти,
Чтобы плакали до дна, до одышки,
Чтобы спели им донецкие дети,
Прямо с неба, про рисунок мальчишки...
Запеклись в моей душе эти грѳзы,
И смешны они, конечно, и странны...
Дай мне, Боже, отирать эти слезы,
Дай мне, Боже, омыватъ эти раны...

Звание дипломанта конкурса. **Наталья Майорова** родилась в Москве. Окончила школу с углубленным изучением английского языка, а затем экономический факультет МАИ. Работает техническим писателем и переводчиком в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта. Поэтесса, писатель, автор-исполнитель песен на свои стихи. Пишет на русском, английском и французском языках. Неоднократный лауреат и номинант литературных конкурсов.

Живѳт в Москве.

Ты сердца не жалея, поэт

Ты сердца не жалея, поэт –
Зачем оно тебе иначе?
Тогда и через сотни лет
Наш мир ты сделаешь богаче.

Отдай стихам свою печаль,
Отдай и гордость, и отвагу –
Как будто кровью на скрижаль,
Слова ложатся на бумагу.

И в каждой строчке – сердца стук.
Стихи – оружие поэта.
Свою любовь, свою мечту
Отдай другим сердцам планеты.

Сияя факелом в ночи,
Служа отчизне и народу
Пусть сердце пламенно кричит –
За Родину! И за свободу.

Посвящение лётчикам августа 1941 года

По карте ползёт полоса на восток,
За нею – падает ночь.
Все наши усилия – кровью в песок.
Держаться – больше невмочь.
На карте не слышно, как стонет земля,
Как в сердце вползает страх.
И горло сжимает тугая петля,
И меткою жизнь – на весах.

Железные птицы уходят во тьму,
Неся смертоносный груз.
И даже родным не сказать никому:
«Вы ждите меня, я вернусь!»
А точки возврата на карте нет:
Идем мы в последний бой.
Туда нам с тобою оплачен билет,
Оплачен скупой судьбой.

И мы за собой сжигаем мосты –
Уж если назад – так вброд!
И точку возврата на карте ты
Отметил – как ложный ход.
За нами пылают стеною леса –
Ни пяди, ни крохи – врагу.
За нами темнеет полей полоса
На нашем, на том берегу.

И только туда, и только вперёд –
Набатом – на ваш восход.
Отмерен до грамма у нас кислород,
Нет сил для красивых слов.
На смерть отправляет страна сыновей
Расплатою за любовь.
Нет сил для торжественных слов и речей,
Лишь губы закушены в кровь.

И мы за собой сжигаем мосты –
Уж если назад – так вброд!
За нами стеною тянется дым
клубами во весь горизонт,
За нами пылают стеною леса –
Ни пяди, ни крохи – врагу.
За нами темнеет полей полоса
На нашем, на том берегу.

Подвиг

Я не знаю, когда и где,
Я не знаю, в каких краях
Зажимает он волю в кулак
И навстречу идёт беде.
Нет – воде, той, которая – лёд,
Если холода. Если жар – то пар,
Штопором уходя в полёт
И змейёй обвивая шар.
Молод он, зрел, или стар,
Старовер или верит в пыль,
Пыл души обращая в жар
Тех надежд, что не пережил.
Жилы рук сплетены в кулак,
Божий ветер – и виден враг.
За секунду он стал седым.
Седина идёт молодым.
Дома нет, что такое дом?
Память в точке – здесь и сейчас.
Мысленно осенясь крестом,
Пролетел метеор и погас.
Теорема часов и планет,
Нет теории, планы – воск,
Целиком всё зависит от звёзд.
И висит одинокий крест
Средь созвездий в небе пустом.
Память стала белым листом.
Кто об этом вспомнит потом
И найдет среди тысячи мест
Отражение на воде?
Я не знаю, когда и где.

Не провожай

Не провожай меня – лучше встретить.
В календаре этот день отметь
Красной чертой, или чёрным крестом.
Как отмечать, ты поймёшь – потом.
Как отмечать, ты поймёшь, поверь:
Выберу я окно – или дверь,
Выберу я щит – или меч.
Всё ж на руках карты не стоят свеч.

Не заклинай,
Не осеняй крестом,
Не провожай.
А лучше встретить – потом.

Звание дипломанта конкурса. **Егоршина Лариса Павловна** – родилась в городе Дзержинск Нижегородской области. Окончила Горьковский политехнический институт. Членом литературного клуба «Огонек Рубцова» при библиотеке им. А.С. Пушкина. Победитель (дипломант) нашего конкурса 2020 и 2021 годов. Живёт в городе Дзержинск.

Крымский мост

Авангардной стройки повесть,
труд соборный во плоти,
Крымский мост – России гордость!

русло нового пути.

Кругосветки побережье.
Нерв Тамани напряжен,
взрыв неистов, страшен, бешен,
тьмой задернул небосклон!

Дым, огонь кружат клубами,
над бетоном и водой,
правда, ложь столкнулись лбами
в час недобрый, роковой.

Прорвало нутро тротила,
дня не может без войны,
эко, жало наострило
на величие страны.

След запутать мастерица,
хитромудрая напасть,
льстить, умаслить не скупится,
доигралась, дождалась.

Кошки - мышки, прятки, жмурки,
чья взяла? кому капут?
Бронь жилета, каски, куртки,
на Дону бои идут.

Сколько, где, чего побито
скажут в ленте новостной.
Осень, дождь кропит из сита
на сторонushке родной.

За проливом моря лоно,
настороженная даль,
сажей черной закопчена,
лечит раны магистраль.

Нота мира

Грохочет канонада,
лихие времена,
сама себе не рада
набатная волна.

Гул оркестровой ямы:
скрипит смычком бойкот,
и «Пиковая дама»
на сцену не взойдет.

Блистательная прима,
маэстро дирижер,
отлучены от Рима?
Воспой России хор.

Отечества кумиры,
талант родной страны,
дарите ноту мира
восторгу тишины.

Под стягом славы русской
воспрянь Руси Баян,
гармонию искусства
простри небес экран.

Застава

Пути – дороги, переправы,
расположения байпас,
обороняется застава
и землю дедов не отдаст.

Раздоры сеяны не с нови,
квартал горит, в огне окоп,
система ада наготове
и низвергающий потоп.

Осколки в окна барабанят,
чинит расправы беспредел,
пал жертвой пленник, горожанин,
пункт населенный опустел.

Ракеты пуск, с прицепом трактор
работал в поле, стрекотал,
а безымянный навигатор
сразил трудягу наповал.

От взрыва уши заложило,
Земля – до неба холм могил.
Посыл, трубящий Рафаила,
залп искушеньем заглушил.

Россия - матушка, родная,
не помни горечи обид.
Мир, Русский Дух объединяет
и заступление творит.

Минуют беды и печали,
не оскудеет благодать,
родились там, где род венчали
простора воля, Божья рать.

Трудились век не за награды,
в глаза не видели войну,
но жить учились так, как надо:
любить, беречь народ, страну!

Москва, небесною звездою
свети, сияй, зарю храни,
героев, время фронтовое
благословеньем осени.

Звание дипломанта конкурса. **Канавщиков Андрей Борисович** – родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета.

Председатель Литературно-художественной творческой группы «Рубеж», заместитель председателя правления Псковского регионального отделения Союза писателей России, заслуженный работник СМИ Псковской области. Автор 47 книг стихов, прозы и публицистики. Живёт в г. Великие Луки Псковской области.

Великие Луки

*«...града, нарицаемаго Великих Лук. Бяше же тогда град сей многочеловечен
зело, славою и богатством иныя грады превосходяще».
Житие и жизнь преподобного отца Мартирия*

Крепко сшит и ладно скроен,
Небо, речка, люд могучий...
Был не просто город-воин –
Город-крепость, город-круча,

Город-глыба, город-сила,
Город-камень из начала,
Современная Россия
В городах таких мужала.

Ему выпало бороться,
Да с врагами вечно биться,
Был оплечьем новгородцев
И предсердием столицы.

Лезли орды то ливонцев,
То поляков злое эхо,
И светило чаще солнце
Здесь не с неба, а с доспехов.

Вероломно жгли, веками,
Город рушили с разгона,
Так что в Смуту казаками
Заселялся город с Дона.

Город жил всё время между,
Редкий мир, а чаще – горе,
Город ратный, порубежный,
Как солдат, стоял в дозоре.

Не отступишь, не заплачешь,
Не согнёшься враз в печали,
И хотели б жить иначе,
Да враги не разрешали.

И росли лучане дружно,
С юных лет в войну играли,
Пули – вместо погремушек,
Вместо куколок – медали.

Были Луки просто Луки,
Но Великими однажды
Нарекли их не за муки,

А за подвиг их отважный.

Не склонялись, не клонились,
Шли твердынею меж нами,
Не искали жалость, милость
Порубежные лучане.

Город-крепость, город-правда,
Подчинится только с бою,
Нерушимая преграда
По-над Ловатью-рекою.

Ничего дороже, кроме
Чести, веры и присяги,
Что разрушили – отстроим,
В силе вражьей нет отваги.

А берётесь хвастать дерзко,
Потешаться ночью, днём,
То найдётся княже Невский
Или Жуков. Непременно.

Много вод века умчали,
Поколения мчались скоро,
Только всё, как и сначала:
Город-крепость.
Витязь. Сторож.

Порубежным исполином
Луки стал среди простора,
Всё, что было, то и ныне,
Новизна – лишь след повтора.

Всё, увы, бывает снова,
И в грядущее с тобою
Смотрят с вала крепостного
Танк и стела со звездой.

Перед штурмом

«Притянуть на себя силы противника — главная задача 3-й Ударной армии. Возьмёте вы Новосokolьники или нет — всё равно задачу будем считать выполненной, если притянете на себя силы врага, и он не сможет их снять с вашего участка для переброски на юг. Итак, своими действиями на длительное время, повторяю — на длительное время, сковать противостоящие войска и притянуть резервы ближайших немецких армий и армейских групп, что будет равносильно срыву переброски их на юг. В этом и состоит главная задача 3-й Ударной армии. Не бойтесь и обороны, главное — перемолоть побольше сил противника».

Г. К. Жуков, штаб 3-й Ударной армии, Сенчитский бор

Вновь взрывами распорот
Простор, что у реки,
Один и тот же город,
Менялись лишь враги.

Французы, ляхи, немцы...
И немцы тут опять:
Пришли с холодным сердцем
Жечь, грабить и стрелять.

Коричневая свора,
Всемирный крестный ход...
Но знал отважный город:
Фашист здесь не пройдёт!

Не для того здесь предки
Костями легли в пыли,
Чтобы сейчас их детки
Всю славу растрясли.

Ожившая история.
Логичны всё и часть –
Стояли пред Баторием,
Стоять нам и сейчас.

Ждут Жукова: уж он-то
Задачу разъяснит,
Из крови и из пота
Поможет сделать щит.

И Жуков строг и мрачен:
– Врагов сильнее рать.
Ближайшая задача
Её поизмотать.

Перемолоть дивизии,
Перемолоть полки!
Перемолоть – как миссия –
И танки, и штыки.

Пока орудийному лаю
Преграда – лишь слабая плоть.
Трагедия. Знаю я, знаю.
Но надо...
Перемолоть!

Звание дипломанта конкурса. **Брагин Никита Юрьевич**. 1956 года рождения, москвич, выпускник МГУ. Доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России.

Победитель (золотой лауреат) нашего конкурса 2018 г. Победитель (дипломант) 2021 г.

Музыка любви

В час последнего грома

Через многие-многие годы наступит весна –
в час последнего грома и первого вздоха сирени
внучка тихо попросит, забравшись к тебе на колени –
расскажи, что такое война.

И тогда на мгновение ты онемеешь,
и промчатся сквозь память жестокие майские дни,
где в крови лепестки, где встают смоляные дымы,
извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том, что любил и мечтал
о зеленых полях и садах в подвенечном уборе,
и о городе белом у самого синего моря,
где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
как проснулись подсолнухи и серебрится река,
и война умирает слезой на щеке старика,
и Азовское море смеется на детской ладони.

Весна и вечность

Памяти Ольги Качуры

В небе месяц золотой,
крест восьмиконечный,
в чистом поле пыль да зной,
а над полем — вечность.
В мире света и покоя
тают облака,
и уходит все мирское —
музыка легка.

Это музыка любви
над страной взлетает,
как ее ни назови,
а она такая —
ей не дали нотных знаков,
клавишей, струны...
Только залп, за ним атака
на полях войны.

У нее была судьба,
но отняли силой...
Орудийная пальба,
свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,
песенку им спеть,
но под сердцем кровь алеет,
и приходит смерть.

Но жива ее земля,
но тверды устои...
Хлебодарные поля,
море золотое,
пламенеет жаркий уголь,
рельсы мчатся вдаль,
распрямляется упруго
боевая сталь!

Купол звездно-голубой,
крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская весна.

* * *

...И стать мальчишкой, умирающим под Вязьмой,
в палящем и кровоточащем октябре,
в распутице, в неразберихе безобразной,
на развороченном снарядами бугре,
и, не увидев торжествующие лица
вчерашних братьев, нынешних иуд,
покинуть этот мир, с родной землей проститься,
уйти на Божий Суд...

Нет, невозможно, надо все перетерпеть —
глумление врагов и доброхотов ругань,
пока по полю хлещет огненная плеть,
пока земля не помнит бороны и плуга...
И образы моей России молодой
не отпускают, призывая к новой жизни,
и, в узел связанные, делятся труд и бой
за правый путь отчизны.

Звание дипломанта конкурса. **Говердовский Юрий Фёдорович** – родился в 1950 г. в г. Краснокамске. Окончил политехнический институт в Комсомольске-на-Амуре. Почти полвека прожил на Дальнем Востоке. Был редактором региональных газет. Участвовал в освещении строительства крупных объектов, в том числе Байкало-Амурской магистрали. После переезда в столицу работал помощником депутата Государственной Думы, в «Гудке» и «Парламентской газете». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Проводы

«Возвращайся, сыночек, обратно...
Возвращайся, родимый, скорей...» –
Плачет мать, прижимаясь к бушлату.
«По вагонам!» – торопит старлей.

Разрывает гудок тепловоза
Тишь небес с переливом свинца,
Разрывает смертельной угрозой
Губы, руки, объятья, сердца.

Представляя, что может случиться,
Мать молитвенно просит: «Вернись...»
И вдогонку вагону креститься
Будет вечно – за сына, за жизнь...

Последний патрон

Жерновами зубов горечь гари мелю.
Припадая к земле, слышу топот колонн.
Не кричу, не пою, ни о чём не молю;
Загоняю в патронник последний патрон.

Кто идёт – я не знаю: чужой ли, родной?
Вспоминаю сейчас я хороший совет:

Если выстрел последний остался за мной,
Впереди ничего безнадёжного нет...

Старый солдат

Я достану старый пулемёт,
Расчехлю его, почищу, смажу...
Всё в порядке.
Если час пробьёт,
На все сто уверен - не промажу!
Я возьму спокойно на прицел
Из содома вылезшего беса,
И – убью...
А сам останусь цел,
И верну оружие на место...

Добрый дедушка

Шольцам...

Он внука щекотал, смешил,
Травы был ниже, глаже шёлка.
Однажды хвост себе пришил,
К лицу приладил маску волка.

От страха внук его визжал,
Забился в уголок укромный.
А дед вдруг вздрогнул, задрожал –
Так память выстрелила громко!

Он вспомнил стоны, визг, стрельбу
И поле в ямах и ухабах.
Он вспомнил русскую избу
И беспокойный голос бабы:

«Придёт серенький волчок,
Тебя схватит за бочок...»

До поздней ночи шёл кутёж.
Кричал напуганный младенец.
И фрицу стало невтерпёж,
И встал, покачиваясь, немец...

Очнувшись пьяным ночь спустя,
Услышал рядом голос слабый –
Качала мёртвое дитя
И отрешённо пела баба:

«Пришёл серенький волчок,
Нож воткнул тебе в бочок...»

Всё дальше голоса войны,
Но их-то внуки, как и деды,
Совсем не чувствуют вины.
И – снова нам нужна победа...

Женька-американец

Когда захворала серьёзно страна,
Решили родители: а на хрена
Здесь маяться нам?! Надо жизни другой!..
В Америку смылись, где сытость, покой.
И ладно бы жили обычно, так нет –
Отчизне такой передали «привет»:
Вступили служить в чужеземную рать
И Женька-бедняга, и русская мать.
Был Женька приветлив ещё, не ершист –
Не как англосакский наглец и фашист.
Но парень не думал своей головой,
Всё громче он злобный поддерживал вой.
Он – больше не русский,
Он – вражеский волк,
Хотя вспоминает Бессмертный он полк,
В котором два прадеда...
(Скрип на зубах –
От Женьки они отвернулись в гробах!)
А он всё выпячивал вычурно так
В полосках и звёздах ненашенский флаг.
Совсем он не думал про час, что пробьёт,
И, может, он русского парня убьёт.
Но может случиться другое в бою –
И русские родичи Женьку убьют.
Под флагом заморским он будет лежать.
Забьётся в истерике русская мать.
Его православные не отпоют,
И в отчей земле не найдёт он приют.
А там, на чужбине, найдёт ли покой?
Быть может, захочет могилы другой,
Где прадеды мирно лежат в тишине,
Отчизны покой отстояв на войне.
Попросится Женька: возьмите к себе!

Но прадеды молвят: негоже тебе
Быть с нами, когда в смертоносном бою
Ты предал и нас, и Отчизну свою.

Благодарность за лучшую работу иностранного участника:

Тит Горский (свщ. **Иоанн Казадоев**) – родился в 1985 году в г. Клайпеда. До сентября 2009 г. проживал в Литве, после чего переехал в Ирландию. Окончил факультет Химии Вильнюсского Государственного Университета, факультет Химии Коркского Университета и Институт Дистанционного Образования по программе «Теология». Священник Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Живёт в Клэрморрис, Ирландия.

Я – Русский!

Я не буду молчать.
Да, я – Русский!
Нам немой заповедан восторг,
Но есть в стане иудовы гузки
Коим красен предательский торг.

Кто стыдом там гишпанским исходит

От причастности общим корням?
В тёмных дебрях умы ваши бродят
Уподобясь строптивым коням!

В даль летите. Шу! Голуби міра.
Поспешайте от мнимых оков.
Вас рассудит народная лира.
Да и выплет вдогонку Шишков!

Что ж, обратно вертаться? Не надо.
«Патриоты» спесивых кровей!
Серебром уж отлита награда
в тон надменному блеску очей.

Край

Говорят, что в краях здешних тихо,
Хоть и скалится в ночь бурелом.
Да дрожит на ветру облепиха,
Вспоминая рокошующий гром.

Разыгрались полями зарницы,
Сговорившись с весенним дождём.
Оттого ли сегодня не спится
И не гаснет в ночи отчий дом?

Что ж, пройтись босиком ли до сада,
Иль слезой раствориться в реке?
Мне ведь большего и не надо,
Я душою теперь налегке.

Застучало, задуло, заныло...
Дышит горечью память потерь
И со скрипом, так тяжело, уныло,
Отворилась в гостиную дверь.

Образа, серый плед и подушка,
На столе наш семейный портрет,
И в часах золочёных кукушка
Замолчала спустя много лет.

Вот и всё, посижу на дорожку
В окружение ангельских лиц.
Лишь стучит в боковое окошко
Редкий дождь звуком маминых спиц.

О други, как же обмельчали мы!
Да ведомо ли нам, каких лишений
Для прославления знамён своей страны
Вкушали лучшие из прежних поколений?

Иль память наша стала так больна,
Что променяв на хлеб остатки стати
Мы позабыли родовые имена
Прославивших тебя, Россия-Мати!

Ведь сказано, как греясь от свечи,
Кто в милотях, а кто и в козых кожах
Не возмущая тишины ночи
Подъяли труд, а не покой на ложах.

И сохраняя верность сквозь года,
Гнушаясь подаяний и доносов,
Всходили, как алмазная звезда,
Кулибин, Циолковский, Ломоносов!

Сыны отечества, чего дрожите вы?
И от чего хрипит глухая нота
В момент, когда должны звучать псалмы,
А не тревожить сытая икота!

Очнись, беспечно спящий люд!
Россия требует от нас свершений новых,
Чтоб новых гениев мы узрели салют,
Суворовых, Донских и Ушаковых!

Гавриилу Романовичу Державину

Ты жёг глаголом, вёл вперёд полки
Троичными рядами, словно строки,
Вздывая твёрдою рукою на штыки
Врагов Отечества и корысти пороки.

О, Человек! Ты – Росс, ты – Гавриил!
Особо выкованный Божий Воин.
Кто покорит нам новый Измаил?
Слогов ударных кто теперь достоин?

Венчал стихами веру и народ,
От сих и мы рцем хором – патриот!

В чести опять мундир, и брат наш славен,
Но не хватает Ваших рифм, Державин!

Кусты малины

Осталось только навзничь – и шабаш!
В высоких ковылях, в полях некошенных,
Тела предав земле, застынет голос наш
Далёким гулом в топах запорошенных.

В оврагах холодно, запеленал туман.
Нет, лучше у ручья да под калиною,
Где мягок мох и не растёт бурьян,
Под солнцем вспыхнуть дикою малиною.

Среди крестов вкраплением живым
Места мы эти цветом обозначим.
Но что-то пред решением роковым
Нас заставляет действовать иначе.

Нет, брат, ты с тишиною погоди.
Вставай, солдат, вставай, боец родимый.
Благим порывом отзывается в груди
На зов Отечества наш дух неистребимый

А только ведь казалось, что шабаш!
Рвались в полях ржанных шальные мины
Мы поднялись, и грянул голос наш,
И не растут кусты лесной малины!

[Добавить комментарий](#)

Комментарии